

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ

В пять часов утра 28 февраля 1883 года вице-директор Департамента полиции Благово был разбужен курьером. Выйдя заспанным, в халате, он лаконично спросил прибывшего:

— Несчастье?

— Так точно, ваше высокородие, — вполголоса ответил курьер, отставной ефрейтор из желтых кирасир. — Бывший министр Маков наложил на себя руки. Господин директор департамента выехали к ним на квартиру. Велено и вам прибыть к сему месту; коляска ждет.

Отослав курьера к экипажу, Павел Афанасьевич принялся торопливо одеваться. Эх, Маков, Маков... Он вспомнил свое первое знакомство с ним восемь лет назад, закончившееся ссорой. Благово в чине коллежского асессора расследовал тогда в Нижнем Новгороде дело о конокрадстве в гигантских размерах. Лев Саввич был уже тайным советником, директором особенной канцелярии при министре внутренних дел Тимашеве, и фактически заправлял всем министерством. В семьдесят восьмом он сменил Тимашева, в восьмидесятом, во времена «диктатуры сердца» Лорис-Меликова, был переведен в главные почтмейстеры. Всесильная княгиня Юрьевская, любовница,

а затем и жена императора Александра Второго, благоволила Макову. Когда Лорис занял его место в МВД, специально для Льва Саввича придумали новый пост – Министерство почт и телеграфов. В этом качестве ловкий царедворец вновь выдвинулся. В его руках оказалась перлюстрация всей почты империи! Маков возил каждое утро Юрьевской выписки из чужих писем, часто нелюбезные для императора. Вдвоем они их подправляли в выгодном для княгини смысле, и затем она показывала эти строки стареющему государю. Совсем одуревший от любви к последней своей пассии, Александр Николаевич был уже как воск в ее руках. Он немилосердно карал всех, кто был неугоден княгине, и перлюстрированные письма многим отравили тогда жизнь... Но случилось 1 марта 1881 года. Великий реформатор и великий грешник был смертельно ранен бомбой на Екатерининском канале. Новый государь Александр Третий уже через месяц выгнал ретивого почтмейстера в отставку. После этого у Макова начались неприятности. Ревизия выявила большое хищение по канцелярии МВД в бытность его министром. Называли вполголоса фантастическую сумму – недоставало 400 000 рублей! Последнее время опальный сановник, всеми забытый и презираемый, сидел дома и ожидал ареста. И вот... Надо полагать, не выдержали нервы.

В начале седьмого часа Благово прибыл на квартиру Макова. Бывший министр продолжал жить на казенной квартире, в доме МВД на Большой Морской, 61. Эффектное трехэтажное здание в стиле итальянского ренессанса, построенное Кавосом, выходило главным фасадом на Мойку. Самый аристократический квартал в столице; неудивительно, что покойнику не хотелось отсюда съезжать. Странно лишь, что его не торопили с выездом...

Роскошная квартира министра находилась на втором этаже, рядом с зимним садом. Благово обнаружил Макова лежащим в кабинете, подле камина, в луже уже остывшей крови. Одет он был в домашний халат из полубархата, с кистями. На груди против сердца чернело входное отверстие от пули, в правой руке зажат обшарпанный армейский «смит-вессон». Лицо искажено гримасой боли и предсмертного ужаса.

— Типическая картина самоубийства, — раздался за спиной Благово знакомый голос его начальника. Директор Департамента государственной полиции фон Плеве, стройный, подтянутый, с серьезным строгим лицом и умными глазами, прошел на середину кабинета.

— Не находите, Павел Афанасьевич? Совсем типическая. Оформите протокол совместно с градоначальником и копию до обеда мне на стол.

— Расследования разве не будет, Владимир Константинович?

— А чего тут расследовать? — искренне удивился Плеве. — Проворовался, попался — и стрельнул себя. Очевиднее не бывает!

— Маков был левша, а револьвер держит в правой руке. И потом, взгляните на его халат. Ничего не замечаете?

Плеве осторожно опустился на колени, стараясь не запачкаться кровью, и с минуту внимательно рассматривал одежду покойника. Потом поднялся, посмотрел на Благово недоуменно и немного раздражительно.

— Что же я должен был заметить, Павел Афанасьевич? По мне, так все обыденно. Не темните! Что вас насторожило?

— Пола халата не оплавлена близким выстрелом, и на ней совершенно отсутствует пороховой нагар. Посмотрим теперь, что на коже.

Благово отдернул полу халата и ворот батистовой рубахи и удовлетворенно крикнул.

— Что там? — нетерпеливо спросил директор департамента.

— Конус пламени при выстреле, как известно, равен по своей протяженности длине ствола. У нас здесь «смит-вессон» образца 1871 года, так называемая модель номер один. Длина ствола у нее — восемь дюймов. Значит, при выстреле в упор или с этого расстояния ткань халата должна была загореться либо, как минимум, порыжеть. Отставить револьвер на такое расстояние самоубийца мог, но вот как быть с воздействием пороховых газов на кожу? На ней должен был бы остаться, как его называют судебные медики, пояс ожога. А вокруг него, вбитые под кожу силой выстрела, находились бы копоть и во множестве порошинки. Пояс ожога остается при выстреле с расстояния восемь десятых аршина!¹ Здесь же мы наблюдаем чистое входное отверстие без всяких порошинок. Вывод: стреляли не в упор, а с расстояния примерно в аршин.

— Разве невозможно самому вытянуть так руку?

— На аршин? Только если бы он был чимпанзе. И потом, повторюсь, Маков левша.

— Это-то вы откуда знаете?

— Когда я впервые познакомился с ним в семьдесят шестом году, то обратил на это внимание. Так делает всякий сыщик, автоматически.

¹ 60 сантиметров.

Плеве замолчал, отошел к окну. Постоял там некоторое время, затем повернулся к своему вице-директору и сказал:

— Павел Афанасьевич. Я всегда признавал ваши превосходство и опытность в уголовно-сыскных вопросах. Видимо, вы и сейчас правы. И если это убийство, выдаваемое за самоубийство, то следует немедленно сообщить об этом министру графу Толстому. А он, надо полагать, распорядится о следствии. Но, чтобы доложить его сиятельству определенно, ваших теперешних наблюдений пока недостаточно. Осмотрите тщательно кабинет и всю квартиру, распросите домашних и прислугу, словом, начните розыск.

— Слушаюсь, Вячеслав Константинович.

Тут из шинельной послышались энергические шаги, и в комнату влетел товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Оржевский. Увидев распростертое на полу тело, он снял фуражку, перекрестился, потом, нагнувшись, внимательно рассмотрел труп Макова. Зыркнул на полицейских своими желтыми совиными глазами.

— Как ловко угодил, а? Нервишки сдали... Ну-с, быстренько составьте протокол и отдайте копию мне, я сам передам графу.

В качестве товарища министра Оржевский заведовал всей полицией империи и являлся поэтому непосредственным начальником Плеве. Вид Петр Васильевич имел задорный и несколько вызывательный, слыл в свете острословом и любил заводить себе недругов.

— Статский советник Благово имеет сомнения, — осторожно проговорил директор департамента.

— Какие еще тут могут быть сомнения? В чем? — изумился генерал-лейтенант.

— В том, что Маков сам себя застрелил.

— Да вы что?! — ахнул Оржевский. Осмотревшись, он сел верхом на ближайший стул, зажал под мышкой саблю и приказал: — Докладывайте.

Павел Афанасьевич сжато изложил свои соображения. Заведующий полицией наморщил лоб, помолчал несколько секунд, потом согласно кивнул:

— Точно! Этот дурень был левшой, сейчас и я это припоминаю. Что намерены делать, Вячеслав Константинович?

— Провести негласное расследование.

— Одобряю. Но только своими силами, без привлечения Грессера.

Генерал-лейтенант Грессер был новым петербургским градоначальником, только что назначенным. Оржевский уже успел поссориться с ним и старался теперь насолить ему при каждом удобном случае.

Пробыв в квартире Макова еще минут десять, начальство удалилось, и Благово остался один. Он начал с осмотра помещения. Жена и трое детей покойного, потрясенные случившимся, сидели в обнимку в гостиной; двое младших плакали в голос. Оставив допрос вдовы на потом, сыщик прошел в спальню бывшего министра и сразу же обнаружил на разобранной постели лист синей сахарной бумаги, заляпанный воском. Понюхал — пахнет нашатырем!

— Что, покойный вчера лечился от простуды? — спросил он у сопровождавшего его по дому камерди-нера.

— Точно так, ваше высокородие. Второго дня барин захворали, так мы давеча капали им на грудь восковую свечку¹.

— Ага, значит, господин Маков собирался вылечиться, а не помирать?

Камердинер промолчал.

— А кстати, любезный, кого ты впускал к нему вчера вечером?

— Никого не впускал. Через парадное-то... К нам уж давно никто не ходит, с тех пор, как... А к черным дверям Лев Саввич наказали не подходить. В тии двери они сами впускали, а кого — то нам неведомо.

— И давно у вас эдак заведено?

— Еще когда их высокопревосходительство были министром внутренних дел. Сами понимаете: там пропасть всего секретного, чего нам, прислуге, знать не положено.

— И часто такое бывало?

— Дык раз-то в неделю завсегда.

— И ты никого никогда не видел из этих секретных посетителей?

— Упаси бог, ваше высокородие! Очень серчали. Прохора, что до меня служил, за то и рассчитали, что любопытство проявлял, рожу в коридор высовывал, когда не велено. Мы уж знаем: ежли барин такой приказ дали, сиди и не шелохнись. Надо им будет — звонком вызовут. Даже в ретирадное идти не смей!

— Эко у вас строго. Но ведь барин твой давно уже не министр!

¹ Старый домашний способ лечения простуды: на растертую нашатырем грудь больному клали лист плотной, т. н. «сахарной» бумаги и топили на нее свечной воск. Кстати, очень хорошо помогало...

— Ну и што? Когда они почтвами заведовали, так еще гуще началось; едва ль не через день! Как ево, правда, вчистую уволили, то прекратилось, а вчера, слышь, опять наказали. Я подумал: сызнава секретные дела начались; может, барина опять в службу возьмут? А то скучали очень да на нас серчали... А чево серчать-то? Я, што ли, ево рассчитал?

— А как жена Льва Саввича к этому относилась?

— Известно как: не нравились ей все эти секреты. Боялась, как бы чего дурного из них не вышло. Тайны какие-то, заговоры... А права оказалась барыня Софья Александровна — вот чем оно кончилось-то! Стрельнул барин себя, великий грех совершил; видать, в такое вяпался, прости господи, что деваться уж стало некуда. Опять, люди говорят, в хищениях ево больших подозревали, об прежние годы. Правду бают, ваше высокородие?

— Правду... как тебя?

— Орестом зовут.

— Правду, Орест, тебе сказали. В министерстве ревизию сделали, недосчитались четырехсот тысяч рублей. Аккурат в те годы пропали, когда твой барин должность отправлял.

— Эх-ма... — горестно вздохнул камердинер. — Четыре-на-сто тыщ... До чего жадность-то людей доводит; а потом жизни себя лишать. Экой грех! Как теперя бедная Софья Александровна с тремя детишками на руках жить-то будет? Младшему, Левушке, шести еще нет. А имения никакого барин не нажил. Пенсию-то хоть вдове дадут, ваше высокородие?

— Это государь решит. Скажи-ка мне лучше, Орест, почему так вышло, что ты выстрела не слышал?

— А я слышал, как уж сейчас соображаю. А тогда подумал: Яков — это наш кухонный мужик — печь в

постирочной растопил. Ну, и трещали они сильно, дрова-то. Сырые шибко; кто только такие всучил? Так трещали, страсть! Будто кто из ружья палит. Ну, я и не подумал на что плохое. Был там один навроде щелчок, не в пример другим. Особливый какой-то. Вот я теперь и думаю, то был выстрел. А тогда решил — дрова...

— Когда ты слышал этот щелчок?

— Близко часа ночи. Точно не скажу — дремалось мне.

— А когда ты барина мертвым нашел? Ты ведь его нашел?

— Точно так, ваше высокородие, я. Напримерно после трех. Уснул было, а проснувшись, встал по малой нужде. Гляжу — а в кабинете-то ланпа горит. Не положено! Я зашел задуть — и увидел... — Тут Орест всхлипнул. — Хороший был барин-то. Веселый... А теперь как они станут жить? С квартиры сгонют. Меня отставят, как пить дать. Вам, ваше высокородие, камердинер не нужен? Я ж самому министру прислуживал, обращение знаю!

— Я тебя запомню, Орест, что смогу, сделаю. Но сейчас не до того. Скажи лучше: почему ты подумал, что Лев Саввич сам застрелился?

— Так оружие-то у него в руке, рази вы не видите?

— Понятно. Что же он тогда от простуды лечился, если все одно помирать?

Камердинер задумался, потом сказал радостно, словно открытие сделал:

— Полагать надо, ваше высокородие, што до ночи у него еще надежда была, мол, обойдется. А кто-то к нему пришел и известие принес, што не обойдется. И не осталось надежи. Он и наложил. Сам на себя.

— Правдоподобно, — похвалил слугу Благово. — А где барин секретные бумаги держал?

— В кабинете, в несгораемом шкапу.

— А еще где?

Орест замолчал. Было видно, что он знает о тайнике, но не хочет говорить.

— Ладно. Веди меня дальше по квартире.

Они продолжили обход, и вскоре Павел Афанасьевич оказался в образной. Маленькая комната без окон, с решетчатой дверью, была вся увешана иконами. В четыре ряда они покрывали стены, в темноте тускло горело восемь или девять лампад. Пахло ладаном и деревянным маслом.

— Очень набожный был?

— И-и-и! Не то слово! Все посты блюл, а службу знал лучше батюшки. У нас, извольте ли знать, домовая церковь имеется; так барин там частенько-таки отца Амвросия подправляли. Особливо литургию Преждеосвященных Даров...

Благово тщательно осмотрел всю огромную квартиру в двенадцать комнат, потом поговорил с новоиспеченной вдовой. Софья Александровна Макова, урожденная Бороздина, оказалась грузной, почти уже утратившей былую привлекательность сорокапятилетней женщиной. И без того, видимо, недалекая, она совершенно потерялась от внезапного несчастья и ничего интересного сообщить сыщику не сумела. Трое детей были еще малы — старшей дочери едва минуло одиннадцать. Прислуга тоже отнекивалась; Орест оказался из них самым сообразительным и осведомленным. Выстрела никто не слышал, ночных гостей никто не видел.

Закончив с расспросами, Благово принялся за обыск маковского кабинета. Подошло уже время обеда, и Орест принес ему с кухни холодной телятины, калачей и чашку консомэ. Время от времени занятия сыщика прерывало появление посторонних. Так,

около одиннадцати ввалилась целая толпа во главе с министром юстиции Набоковым. Пришел ненадолго государственный секретарь Половцов (покойный являлся членом Государственного совета), высокий, надменный. Осмотрел брезгливо тело — его увезли только к вечеру, написал и отдал курьеру записку для государя и удалился. Так же ненадолго заехали судебный следователь и полицмейстер первого отделения. Дольше всех проторчал статский советник Виноградов, исправляющий должность начальника петербургской сыскной полиции (Путилин второй год по состоянию здоровья пребывал в отставке). Вместе с двумя агентами он по пятам ходил за Павлом Афанасьевичем и повторял все его действия. Благово так и подмывало спросить коллегу, что он думает об отсутствии копоти на платье трупа, но он удержался. Всегда полезно, когда следствие ведется параллельно кем-то еще: ум хорошо, а полтора лучше! Но подсказывать нельзя, иначе какое же здесь тогда соревнование? Сам Виноградов ничего на сей счет не говорил; было ясно, что версия самоубийства его устраивает. Он выгреб из несгораемого шкапа Макова все бумаги и, довольный, уехал. Благово наконец-то остался один, можно было приступать к поиску тайника.

Он нашел его почти сразу — сказалась опытность. У массивного письменного стола хозяина оказалась двойная задняя стенка. Осторожно выдвинув ее по специальным замаскированным полозьям, Павел Афанасьевич обнаружил за ней три письма. Почерки на всех трех были разные, и ни один из них не принадлежал самому Макову. Похоже, бывший министр почт и телеграфов не только вскрывал и переписывал чужую корреспонденцию, но в исключительных случаях и воровал ее.

Перлюстрация — одна из самых охраняемых тайн в империи, но Благово по роду службы знал о ней в деталях. Никогда оригиналы писем не изымались, а только копировались, после чего их запечатывали заново и отсылали адресату. Здесь же Маков решился на прямое хищение! Видимо, эти депеши представляли для него особый интерес.

Когда Благово просмотрел все три письма, он понял, насколько серьезным оказалось дело о возможном убийстве действительного тайного советника Льва Саввича Макова. Серьезным и даже опасным, и в первую очередь для него самого. Но деваться было уже некуда — следовало срочно доложить о находке Плеве.

• 2 •

ТРЕТЬЕ ПОВЕЛЕНИЕ

Вечером 28 февраля Благово сидел в кабинете директора Департамента полиции на Фонтанке, 16 и угрюмо молчал. Так же молчал и Плеве. Найденные Павлом Афанасьевичем письма лежали на столе; казалось, от них исходит какая-то недобрая сила.

— Да, — пробормотал наконец Плеве, — ну и гадюшник вы разворотили. Теперь у нас сразу три версии смерти Макова. И одна хуже другой...

Благово взял в руки лист голубоватой бумаги с императорской короной наверху, развернул его и прочитал еще раз. Это была записка великого князя Николая Николаевича Младшего, адресованная жене генерала Оржевского. Из нее явственно следовало, что парочка находилась в любовной связи. Заведы-

вающий полицией именовался в записке старым козлом...

— Не понимаю! — воскликнул директор. — Великому князю двадцать семь лет, а ей уже сорок четыре. Что он в ней нашел?

— Ну, Наталья Ивановна дама все еще видная и притом весьма бойкая. Полагаю, это она окрутила нашего гусара, а не он ее. Притом учтите: в Николае Николаевиче двенадцать вершков росту¹. Многим это нравится. К тому же георгиевский кавалер, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, а главное, двоюродный брат государя. Есть чем увлечься увядающей женщине.

— Но он-то, он-то куда?

— У них это в обычае, — ответил вице-директор.

И Плеве, и Благово хорошо знали, сколь развращена императорская фамилия. Николай Николаевич Старший первый подал сыну пример: он уже много лет жил с бывшей балериной Числовой и имел от нее четверых детей. Жена его, великая княгиня Александра Петровна, не стесняясь никого, путалась в это же время с киевским викарием. Супруга младшего брата императора, Владимира Александровича, заразила мужа сифилисом! Она открыто изменяла ему со всеми по очереди адъютантами и, кстати, состояла в давней связи с тем же Николаем Николаевичем Младшим. Жена великого князя Михаила Николаевича, Ольга Федоровна, спала с воспитателем своих семерых детей генералом Петерсом, а ее муж прижил на стороне незаконную дочь от некоей девицы Серебряковой. Не отставал от родни и брат государя великий князь Алексей Александрович. Будучи холостым, он сильно увлекался балеринами и имел вдобавок сына

¹ 197 см.

от знаменитой своим цинизмом фрейлины Жуковской, дочери известного поэта.

— Ну, эта версия наименее вероятна, хотя и ее мы обязаны проверить до конца, — сказал Благово. — У нас ведь есть люди в окружении Николая?

— Как не быть. Я распорядюсь, чтобы их прислали к вам для беседы. Согласен, это маловероятно, но нужно убедиться. А вот другое письмо...

Благово взял второй лист, и лицо его приняло брезгливое выражение. Короткая записка была написана рукой Екатерины Михайловны Долгорукой, супруги покойного государя. Адресатом оказался германский посол генерал Швейниц. Юрьевская предлагала в этой записке купить у нее за пятьсот тысяч рублей секретный протокол о заключении между Россией и Францией оборонительного союза! Светлейшая княгиня сообщала, что ее супруг забыл документ в их спальне в день смерти, и она оставила его себе «на всякий случай».

— Я сегодня же повстречаюсь с графом Ламздорфом¹ и выясню, насколько это серьезно, — пообещал Благово и добавил ехидно: — Не удивлюсь, если наши дипломаты не заметили пропажи столь важной бумаги.

— И, наконец, третья версия, — Плеве подтолкнул своему вице-директору неопрятный листок гостиничной почтовой бумаги, исписанный мелким писарским почерком. — Что скажете на сей предмет?

Это было письмо некоего Рупейто-Дубяго Павлу Демидову, князю Сан-Донато. Один из богатейших людей России, князь профессионально бил баклуши, не будучи занят на государевой службе. Корреспондент именовал его «братом второй степени» (?) и

¹ На тот момент — директор Канцелярии МИД.

просил разрешения «тряхнуть тут, в Москве, одного рогожца¹, что дружит с террористами, а деньги сдать в кассу Дружины». Помимо самого разрешения на акцию, автор письма требовал прикрытия от московской полиции, причем в весьма развязном тоне.

— «Брат второй степени». Хгм... Вячеслав Константинович, это что, пресловутая «Священная дружина»?

— Увы, она самая.

— Как мог Пашка Демидов занимать там начальственную должность? Он же глуп как бревно. Кто ему доверил?

Плеве молчал.

— А еще говорят, у них Бобби Шувалов ходил в штаб-офицерах?

— От нашего министерства дружину курировал Оржевский. Полагаю, он и даст вам все необходимые разъяснения, — сухо ответил директор.

Благово, как человек очень осведомленный, знал, что в 1881 году было создано добровольное тайное общество по защите особы государя. Инициатором выступил личный друг Александра Третьего граф Воронцов-Дашков, нынешний министр двора. В общество, названное «Священной дружиной», вошло несколько сот человек, преимущественно служилое чиновничество и военные. Время тогда было смутное, силы террористов преувеличивались, и за жизнь помазанника Божия всерьез опасались. В таких условиях в дружину вступило немало порядочных людей, разуверившихся в законных способах борьбы с кривотой. Павлу Афанасьевичу тоже предлагали членство, но он отказался. Позже до него стали доходить

¹ Рогожец — старообрядец австрийского согласия (центр толка находился на Рогожском кладбище в Москве).

слухи, что «Священная дружина» очень скоро выродилась в объединение проходимцев вперемешку с недотепами. Великосветские дилетанты увлеченно принялись играть в тайных агентов; жулики всех мастей примазались к секретным фондам. Сведения о дружине просочились в печать, поскольку горе-конспираторы рассказывали о «тайном» обществе даже извозчикам... Злоязычный Салтыков-Щедрин публично высмеял добровольных охранителей, назвав их «Клубом взволнованных лоботрясов». Начались скандалы. Какие-то темные личности разъезжали по стране, приходили к губернаторам, показывали им странные бумаги и требовали отчета и денег. В конце концов ситуация сделалась невыносимой, и усилиями Победоносцева и графа Толстого дурацкое общество было ликвидировано. В ноябре 1882 года государь распорядился закрыть «Священную дружину» и произвести ревизию ее расходов (на которые сам в свое время выделил миллион из собственных средств). Мог Маков в период активности лоботрясов подцепить через перлюстрацию какую-нибудь серьезную тайну? Конечно, мог. Народ там был гнилой; версия ничуть не хуже двух предыдущих.

— Итак, — резюмировал Плеве, — подозрения об убийстве бывшего министра мы должны немедленно донести до сведения его сиятельства. Не сомневаюсь, что он столь же быстро доложит наши соображения Его Величеству. Поскольку по одной из версий проходит супруга Оржевского, придется держать эту линию от Петра Васильевича в тайне.

— Слушаюсь.

— Вы уверены, что петербургское сыскное не зацепило ничего серьезного?

— А они и не искали. Виноградов человек опытный; думаю, он заметил отсутствие нагара на халате

Макова, но ни словом об этом не обмолвился. Зачем ему нераскрытое убийство, уводящее в столь опасные сферы? А тут такая удобная версия: проворовался, попался и... Но видели бы вы только его молельню!

— А бумаги, изъятые Виноградовым из несгораемого шкапа? Вдруг там еще с полдюжины подобных писем?

— Тогда мы скоро узнаем это от градоначальника. Но что-то я сомневаюсь. Иначе бы не нужен был тайник.

— Будем надеяться, что не появится с той стороны новой грязи; будет с нас и этой вдосталь. Что у вас сейчас на главном плане, Павел Афанасьевич?

— На главном плане — два высочайших повеления: о фальсификации мяса и об убийствах в Конногвардейском полку.

Плеве пригорюнился. Действительно, оба дела, уже порученные им Благово, находились на столе у государя, и он торопил с их расследованием. Первое касалось великого княжества Финляндского. Общеизвестно, что по всей Финляндии издавна существовал нехороший обычай. Как только у крестьянина падала скотина — все равно, корова или лошадь, и все равно, от болезни или старости, — как тушу тотчас же покупали и везли в Петербург. Существовал целый преступный промысел по поставке падали в колбасные заведения столицы. Все великое княжество участвовало в нем без зазрения совести, а следствием было распространение в Петербурге пищевых отравлений и заразных болезней. Когда под Рождество захворало на Охтах сразу более полусотни человек и следы опять привели к финской падали, терпение государя лопнуло. Видя, что градоначальство не справляется с этой напастью, он поручил дело Департаменту полиции. Благово уже съездил в Гельсингфорс, пере-

говорил с тамошней полицией и сейчас шерстил наиболее нетребовательные из колбасных заведений. Выходило так, что заправляли всем русские, а точнее, ярославцы, составляющие в столице самое влиятельное землячество.

Второе поручение было еще хуже первого. На Успенье в подвалах цейхгауза Конного полка, что возле Почтамта, было обнаружено при ремонте печей сразу восемь разложившихся трупов. При одном из них, женском, оказался молитвенник на английском языке. Это сразу навело сыщиков на мысль, что в числе убитых оказалась и та молодая англичанка, что пропала в столице год назад. Следствие двигалось медленно из-за сопротивления полкового начальства, которое поддерживал командующий округом великий князь Владимир Александрович. Выявились страшные вещи: конногвардейцы уже много лет по ночам открыто грабили и убивали прохожих возле своих казарм, торговали потом вещами со своих жертв, а офицеры это покрывали! Руководили делом прожженные сверхсрочнослужащие вахмистры. Будучи в фаворе у начальства, они держали в кулаке весь полк, а не хотевших молчать душили. Когда кольцо несчастной англичанки обнаружилось в ломбарде и хозяин его показал на конногвардейцев, государь повелел не церемониться ни с кем. Было арестовано десять человек, и появились уже первые признательные показания, но до завершения следствия было еще далеко.

— Что ж, Павел Афанасьевич, — горько пошутил Плеве, — Бог троицу любит. Не могу я никому перепоручить уже ведомые вами дела; а уже и третье на подходе. Чую, ждет нас еще одно высочайшее повеление. В вопросах же сыска вы наиболее опытны из всего

состава департамента. Кто везет, на того и валят... Но обещаю полное содействие!

— Тогда дайте Лыкова мне в помощь. Он сейчас ничем особым не занят, а в этом деле пригодится.

— Да чем же? Тут кулаками махать не предвидится.

— При расследовании убийства, Вячеслав Константинович, никогда не знаешь наверное, что предвидится. Лыков мой ученик, он умный и уже весьма опытный сыщик с большим будущим. И умеет он не только кулаками махать, как вы думаете. Алексей поедет в Москву. Ведь именно там, помнится, замыслили «трясти» рогожца. Как раз по его части: связи с этой средой у него имеются еще с Нижнего Новгорода. И потом, уже пора готовиться к коронации, а тут без него точно не обойтись.

Последний аргумент убедил Плеве окончательно, и он устно распорядился перевести титулярного советника Лыкова в полное распоряжение Благово. Дело в том, что вопрос с коронацией наконец-то решился. Александр Третий затащил ее, опасаясь покушений на свою жизнь, которые так удобно совершить в толпе. Сейчас выяснилось со всей определенностью, что террористы обескровлены и силы их подорваны окончательно; можно ехать в Москву. Долгожданное событие было назначено на май. К этому времени предстояло «почистить» Первопрестольную от всякого темного элемента. Воронцов-Дашков предложил привлечь к делу охранения священной особы государя силы московских старообрядцев. В министерстве сразу вспомнили дело о завещании Аввакума, с блеском расследованное четыре года назад в Нижнем Новгороде. Герои этого дела — Благово и Лыков — ныне служили в Департаменте полиции и были, следовательно, под рукой. Им и поручили начать предварительные переговоры с влиятельными

московскими староверами, преимущественно рогожцами. Значит, Лыков, пусть и на своем, невысоком, уровне, но мог уже официально заниматься этим вопросом. Пусть уж заодно и убийцу Макова отыщет!

Умный Плеве не ошибся в своих опасениях. Вечером первого марта, вернувшись с молебна в память царя-мученика, его вызвал к себе граф Толстой. И передал очередное повеление императора: найти и арестовать злодеев, лишивших жизни бывшего министра внутренних дел. Он хоть и мошенник, но стрелять безнаказанно никого нельзя. Тем более действительных тайных советников...

• 3 •

ПО ПЕРВОМУ СЛЕДУ

Утром второго марта в кабинет Благово пришел рослый осанистый господин в элегантной нанковой тройке. От него резко пахло туалетной водой, усы были подозрительно черны, на волосах — наклад-ка. Словом, типический саврас, профессиональный дамский угодник в возрасте. Крашенный господин оказался управляющим двором великого князя Николая Николаевича Младшего.

Павел Афанасьевич расспрашивал его более получаса. Управляющий (фамилия его оказалась Шлаубах) выказал себя человеком неглупым и весьма осведомленным обо всех тайнах своего августейшего патрона. Выяснилось, в частности, что с мадам Оржевской князь расстался еще осенью и без всяких скандалов; что сейчас он тайно встречается с женой Половцова и что в ночь убийства на Большой Мор-

ской его высочество находился в своей постели. И совершенно определенно никуда не отлучался.

Благово и не сомневался, что великий князь сам в Макова не стрелял. Картина, как огромного роста гусарский полковник, гремя саблей, в полночь крадется с револьвером в дом бывшего министра, могла только позабавить. Но при своем характере Николай Николаевич не остановился бы перед необходимостью кого-нибудь нанять для этой цели. Поразмыслив, Благово решил отработать версию до конца и поехал на Офицерскую, 26, в сыскное.

Статский советник Виноградов принял коллегу настороженно.

— Нашли что в бумагах? — издали начал Павел Афанасьевич.

— А... — махнул рукой Виноградов. — Чуть не до утра просидел, семь пудов свечей извел, и все без толку. Одна галиматья.

— Вы, конечно, заметили отсутствие на халате у Макова порохового нагара?

Главный сыщик столицы осекся, несколько секунд молча смотрел на Благово, потом ухмыльнулся:

— Смешно было бы с моей стороны предполагать, что это ускользнет от вашего внимания... Да, я сие тоже заметил!

— Получено высочайшее повеление разыскать убийцу. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Понятно. Чем могу помочь?

— Сведениями, бесценный Иван Александрович. Кто из известных вам преступников, находящихся ныне на свободе, способен на такую ловкость?

— Хгм... Проникнуть ночью в густо населенную квартиру, застрелить хозяина, подделать самоубийство и скрыться незамеченным. Высший сорт работа!

Я знаю только одного человека, которому такое по силам.

— Сашка-офицер?

— Все-то вы знаете, Павел Афанасьевич, — уважительно произнес Виноградов. — Он, стервец, кто же еще! Но именно у него и алиби, потому как этот мазурик уже две недели сидит здесь, в Казанской части, на одном с нами этаже.

— На чем-то попался?

— Подозревается в ограблении квартиры Охотниковых.

Сашка-офицер представлял из себя весьма незаурядную личность. Звали его по паспорту Александр Беклемешев, и в молодости он действительно носил погоны. В чине поручика Сашка принял участие в Ахалтекинской экспедиции 1879 года, закончившейся для нас, как известно, порядочной трепкой. Прикомандированный к ракетной сотне, он участвовал в знаменитой «косой атаке», когда сотня лихо прорубилась сквозь полчища туркмен и прикрыла затем отход всего отряда. Владимирский крест с мечами и бантом украсил грудь храброго поручика. Затем, однако, у него начались нелады с законом. Видимо, Беклемешеву было скучно жить обычной жизнью. Такие люди хороши для войны, но плохо годятся для повседневного существования... После нескольких темных историй и последовавшего затем суда чести поручик вышел в отставку. Умный, смелый, очень хладнокровный и до безумия дерзкий, повидавший много крови, он стал наемным убийцей.

Этот вид преступлений в России, слава богу, отсутствует — в отличие, скажем, от Италии или Американских Штатов. Ну разве что купчиха наймет приказчика задушить стареющего мужа, чтобы пожить

наконец вольготно и при деньгах... Такие проступки легко раскрываются, и незадачливый наемник оказывается в Нерчинском каторжном районе. Не то оказался Сашка-офицер! Он применял свои таланты очень редко и за большие деньги. Артист! Сыскная полиция подозревала его в трех убийствах, но ничего не могла доказать. Особенной дерзостью отличалось последнее, в восемьдесят втором году. Некий граф Кушелев шел себе спокойно по Певческому мосту, как вдруг его нагнал замотанный в башлык всадник на прекрасном аргамаке, застрелил с седла и ускакал. Срежь бела дня и прямо под окнами Зимнего дворца.

Да, такой человек мог прикончить Макова в его собственном кабинете и незаметно удалиться. Похоже, на сегодня он один такой в столице. И у него алиби — сидит вон за той стенкой.

Удовлетворенный услышанным, Благово откланялся и вернулся к себе на Фонтанку. Доложил Плеве, что версию с великим князем можно исключить, и затем около часа просидел с Лыковым. Откомандированный из летучего отряда в его распоряжение, Алексей был очень этим доволен. Павел Афанасьевич подробно рассказал ему все дело и поручил съездить в Москву к рогожцам. Подытожил так:

— В расследование первых двух версий тебе лучше не соваться. В этих высших сферах могут так тряхнуть, что очутишься помощником исправника в Минусинске. Что я тогда скажу твоей матушке? А в Первопрестольной — обычная уголовщина, да и «Священная дружина» уже прикрыта. Поговори с Арсением Ивановичем Морозовым, чтобы он выделил тебе на подмогу Горсткина. А я телеграфирую Козлову, что ты выполняешь высочайшее повеление, — он сам поймет, что от него требуется.

Горсткин был начальником секретной службы рогожцев, поставленным на эту должность еще покойным Буффало; Козлов — московским обер-полицмейстером. Вдвоем эти люди знали о Москве все.

Отпустив Лыкова, Благово пешком отправился на Дворцовую площадь, в Министерство иностранных дел. Директор канцелярии граф Ламздорф и обрадовался появлению сыщика, и удивился. Статского советника весьма уважали в «дипломатической гостиной» яхт-клуба за тонкий ум. Но на службу к графу Благово пришел впервые — и явно неспроста.

— Что случилось, Павел Афанасьевич? Вы изловили австрийского шпиона?

— Еще хуже! Германский посол схвачен в Апраксином дворе на карманной краже; готовьте ноту о высылке.

— Ха-ха. Очень смешно. Валяйте уж — что там у вас? Чую, что плохие новости...

— Владимир Николаевич, в министерстве за последние два года никаких важных бумаг не пропало?

Ламздорф нахмурился:

— Насколько важных?

— Протокол с французами о подготовке оборонительного союза, подписанный покойным императором.

— Откуда вы вообще знаете о его существовании? — вскочил с кресла граф. — Боже мой, боже мой! Если немцы пронюхают, что есть такой документ, — может случиться все, что угодно!

— И даже война?

— И даже война. Не завтра, конечно, но самый первый шаг для ее подготовки будет сделан. Нынешний государь крайне неохотно пролонгировал

«Союз трех императоров», и только на три года. Он совершенно не верит австриякам и с трудом терпит германцев. Зерно истины в этом есть: с тевтонами России нечего делить, а вот между нами и Австро-Венгрией стоят Балканы. Учитывая маниакальную цель всей русской внешней политики — проливы, — мы уже встали на рельсы большой европейской войны. Отобратить проливы у Турции можно, только победив саму Турцию. А там куча славян под пятой! И то же самое у австрияков. Выпустив славян из турецкой клетки, мы неминуемо вступаем в неразрешимый конфликт с Австро-Венгрией. Ведь покоренные ею племена чехов, словаков, русинов также захотят свободы. Короче говоря, путь на Константинополь лежит через Вену. А это означает войну и с Берлином! Германцы же никогда не позволят России уничтожить дружественную им немецкоговорящую империю и стать в итоге повелительницей Балкан. Если это понимаем мы с вами, еще лучше сие понимает Бисмарк. Война между нами троими — лишь вопрос времени. Мы начали осторожно прощупывать почву в сторону Франции. Немцы немедленно расценили это как начало охлаждения в отношениях. Они уже очень насторожены и начинают готовиться к худшему. А у нас словно нарочно Катков раздувает антигерманскую истерию при попустительстве властей!

— Так что насчет протокола?

— Скажите правду: откуда вы узнали о его существовании? Во всей империи его читали только три человека: покойный государь, наш министр Гирс и я.

— Где сейчас протокол?

— За моей спиной, в секретном сейфе.

Ламздорф поднялся, обошел кресло и постучал по дубовой панели, в которой виднелось едва заметное отверстие для ключа.

— Вы уверены, что он там?

Граф самодовольно улыбнулся:

— Не смешите меня, Павел Афанасьевич! Такие бумаги хранятся сверхстрога. Их выдаю лично я и только по письменному распоряжению министра. Упоминаемый вами протокол ни при каких обстоятельствах не мог покинуть этого шкапа!

— Владимир Николаевич, не обижайтесь, ради бога, моим недоверием, но не могли бы вы прямо сейчас в этом удостовериться?

Ламздорф озадаченно посмотрел на Благово, не находя, что ответить. Потом хмыкнул, снял с брегетной цепочки крохотный ключ, отпер сейф, закрыл его от посторонних глаз спиной и начал копать. Минуты через три он развернулся к сыщику — на нем не было лица.

— Павел Афанасьевич!!! Это... катастрофа! Имеете вы сведения о его нынешнем местонахождении?

Благово рассказал графу о письме Юрьевской, найденном им в квартире Макова. Ошарашенный чиновник побежал с этой новостью к Гирсу, а статский советник вернулся в департамент. Оказалось, что там его уже сорок минут ожидает некий господин в серой визитке. Лицо господина показалось Благово знакомым.

— Да-да, мы встречались на Гороховой. Позвольте представиться: помощник делопроизводителя сыскного отделения Петербургского градоначальства коллежский ассессор Скиба.

— Да, господин Скиба, припоминаю. Кажется, Максим Вячеславович? Прошу, пожалуйста, без церемоний.

— Польщен, Павел Афанасьевич; точно-с так.

— Чем могу служить? Вас, видимо, прислал Виноградов?

— Увы, Павел Афанасьевич, я пришел к вам не по приказанию начальства, а втайне от него. Понимаю, как некрасиво это звучит, но... Вы ведь сегодня интересовались у Виноградова Сашкой-офицером?

— Да.

— И вас уверили, что тот сидит под замком?

— Да. А что, не сидит?

— Нет, Сашка действительно с середины февраля пребывает в подследственной камере Казанской части. Там есть такой коридор на третьем этаже, окнами во двор; в нем четыре камеры, и все они закреплены за сыскным отделением. И сторож при них тоже наш, он состоит в штате отделения, а не части.

— И что же?

— А то, Павел Афанасьевич, что Беклемешев отлучался в эти дни из камеры. Но не для допроса. Он числится лично за Виноградовым, и по его запискам несколько раз отпускался на волю безо всякого конвоя. А под утро возвращался.

— Хм... Он агент Виноградова?

— Позвольте напомнить, Павел Афанасьевич, что Сашка-офицер — убийца. Может ли он быть полицейским осведомителем? Вор, мелкий мошенник — не спорю; сам их вербую дюжинами. Но убийца!

— Согласен, Максим Вячеславович, это было бы чересчур. Куда же он тогда уходит? И что связывает начальника сыскной полиции с мокрушником?

— Вы ничего... э-э... такого не слышали о Виноградове?

Благово нахмурился:

— Слышал, конечно. О вашем начальнике давно уже дурное поговаривают. Будто бы приставы всех участков Петербурга носят ему денежную дачу. А ежели кто отказывается, то в этой части резко возрастает количество краж со взломом, грабежей и даже убийств. Статистика быстро ухудшается, пристав попадает в опалу у градоначальника и может лишиться должности. А сыскная полиция ищет преступников очень неспешно и всегда безрезультатно. Так?

— Истинная правда, к сожалению.

— Вот это да! И все молчат?

— Так ведь недоказуемо! Ну, залезли в квартиру, в другую; ну, сломали их с десяток — и что ж? Какая тут связь с Виноградовым?

— Но связь есть?

— Конечно, есть. Все «иваны» и «мазы», родские¹ воровских шаек ему хорошо известны. Он их вызывает и говорит: надо поработать в Александро-Невской части, особенно в ее третьем участке. Действуйте смело и никого не бойтесь: я вас искать не стану. После седьмой квартиры закругляйтесь и переходите в Коломенскую часть.

— Неужели это действительно возможно, Максим Вячеславович? Чтобы начальник сыскной полиции — и руководил ворами!

— Нельзя сказать, что он ими действительно руководит. У преступников свой промысел, у него свой. Правильнее утверждать, что существует некая область совместных интересов. Если градоначальник прикажет Виноградову поймать, к примеру, «ивана»

¹ «Маз» — главарь шайки; родский — старший вор.

Савелия Чижова по кличке Дубовый Нос, то он его арестует. И Дубовый Нос на это не обидится: служба есть служба, ему велели — он исполнил. Но при возможности вместе заработать эта парочка легко договорится. С начальником сысшной полиции выгодно дружить!

— Давно так у вас?

— А вот как Путилин ушел в отставку, так сразу и началось.

— Иван Дмитриевич знает об этом?

— Конечно, знает — Виноградов всегда был его любимчик.

— И молчит?

— Молчит. Сам этим не занимался, когда был при должности, но Ивану Александровичу уже и тогда все дозволялось.

— Понятно... Путилин при Трепове поднялся, поэтому так к этим делам равнодушно относится. Трепов за годы своего градоначальства украл три миллиона рублей — и ничего... Но вернемся к Сашке-офицеру. Он-то квартирными кражами не занимается?

— Да, эта птица другого полета. Но мне доподлинно стало известно, что в ночь с 28 февраля на 1 марта, когда умер Маков, Сашка уходил из камеры. По очередной записке Виноградова.

Благово стукнул себя кулаком по колену и не удержался, выругался:

— Скотина! Значит, инобытия¹ у Беклемешева нет?

— Нет. Не готов утверждать, что именно он застрелил Макова, но в камере его в ту ночь не было до самого утра.

¹ Алиби.

Благово встал.

— Вы можете подать об этом рапорт?

Скиба тоже поднялся.

— Это невозможно! Сведения получены мною от сторожа секретных камер Пасынкова. Проболтался... по пьяному делу. Но Пасынков хорошо прикормлен начальником отделения и письменных показаний, конечно, не даст. В каком виде я тогда предстану? Написал бездоказательную клязу...

— А приставы? Они могут подтвердить факт денежных поборов со стороны Виноградова. Сколько можно это терпеть?

— Господа приставы сами дерут будь здоров! Если начнется следствие, то выяснится, что они перетаскали в сыскное суммы, много превышающие их годовое жалованье. Где они их взяли? Все с тех же мазуриков. Нет, поднимать шум никому не выгодно. Меня сделают козлом отпущения и выкинут со службы, а после полицейской — сами знаете — никакой другой службы уже не найдешь. Все шарахаются от нас как черт от ладана.

— Я вас понял. Поищем другой путь. А пока вот что, Максим Вячеславович. Не желаете ли перевестись в Департамент государственной полиции? Имеется вакансия чиновника по особым поручениям шестого класса.

— Почту за честь, Павел Афанасьевич! А то уж никаких сил нет смотреть, что у нас в сыском отделении творится, и ничего поделывать не могу!

— Вот и договорились. Я сегодня же подам записку фон Плеве о замещении должности; надо усилить кадром третье делопроизводство. И спасибо вам за важные сведения.

• 4 •

**РУПЕЙТО-ДУБЯГО
И ЕГО КОЛБАСНИК**

Выполняя поручение Благово, Лыков отправился на встречу с Демидовым, князем Сан-Дonato. Адресат перехваченного Маковым письма жил в роскошном фамильном особняке на Сергиевской улице. Несметный богач оказался рыжим весноватым мужчиной средних лет с отечным лицом и высокомерным взглядом.

Дабы беседа удалась, Алексей взял с собой коллежского советника Фланша, курировавшего в департаменте «Священную дружину». Фланш представил Лыкова князю и приказал ответить на все его вопросы, поскольку Алексей Николаевич выполняет высочайшее повеление. Демидов мигом утратил весь аристократизм.

— Князь, — сразу взял быка за рога Лыков, — кто такой Рупейто-Дубяго?

— Это бывший наш агент, брат восьмой степени. Кличка — Московский Баранчик.

— Странная какая кличка...

— Ну, это из представлений про Петрушку, вы же помните?

Лыков действительно вспомнил. Любимый герой уличного театра, наглый и дерзкий Петрушка, бил лакея, купца и даже полицейского. И вот, когда он уже совсем терял от безнаказанности чувство меры, из-за кулис появлялось загадочное могучее чудовище — Московский Баранчик — и сжирало негодяя.

— Зловещее получается прозвище. Он что, за палача у вас был?